

УДК 657

КОРПОРАТИВНАЯ ОТЧЕТНОСТЬ НА ПУТИ ОТ ЭПОХИ ДОВЕРИЯ К ВРЕМЕНИ ДИЛЕТАНТИЗМА

Пятов М.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: mlpyatov@yandex.ru

Статья посвящена обсуждению возможности периодизации развития практики формирования корпоративной отчетности в рамках классификации этапов развития западной цивилизации, предлагаемой Э. Гидденсом. Выдвигается гипотеза возможности периодизации развития практики бухгалтерского учета и корпоративной отчетности как деятельности по формированию информации о хозяйственных фактах и процессах в свете общей периодизации развития мировосприятия в западной культуре, а также допущение, что построение такой периодизации может стать инструментом к осмыслению данной практики в условиях современности. Выделяются три этапа развития практики представления и использования данных учета и отчетности – время «веры», «доверия» и «дилетантизма». Предложенная периодизация рассматривается как основа для характеристики современного состояния института корпоративной отчетности. На основе работ Ф. Хайека, М. Маклюэна и Н. Болца показывается, как развитие информационно-коммуникативных технологий начинает делать соответствие информационным запросам дилетанта важнейшей характеристикой отчетных данных. Последнее, отражаясь в процессах депрофессионализации корпоративной отчетности, стимулирует практику представления новой нефинансовой корпоративной отчетности.

Ключевые слова: информация, эволюция, отчетность, бухгалтерский учет, вера, доверие, дилетантизм, современность, технологии.

CONSOLIDATED REPORTING ON THE ROAD FROM THE AGE OF TRUST TO THE TIME OF DILETTANTISM

Pyatov M.L.

St. Petersburg State University

E-mail: mlpyatov@yandex.ru

The article is devoted to discussion of the possibility of periodization of development of practice of formation of consolidated reporting within the classification of the stages of development of Western civilization, suggested by A. Giddens. A hypothesis of the possibility of periodization of development of practice of accounting and consolidated reporting as activities on formation of information about economic facts and processes in the light of general periodization of development of world perception in Western culture, as well as an assumption that formation of such periodization could be a tool for apprehension of this practice in modern conditions, are made. Three stages of development of practice of presentation and use of accounting and reporting data are marked out – the time of «faith», «trust» and «dilettantism». The suggested periodization is considered as the basis for characterization of the current state of the consolidated reported institute. It is shown on the basis of the studies by F. Hayek, M. McLuhan and N. Bolz how the development of information and communication technologies starts to treat compliance with information requests of dilettante as key characteristic of reporting data. The latter, when reflected in processes of deprofessionalisation of consolidated reporting, stimulates the practice of presentation of new nonfinancial consolidated reporting.

Keywords: information, evolution, reporting, accounting, faith, trust, dilettantism, modern age, technologies.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ УЧЕТА И ОТЧЕТНОСТИ КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ ИХ РОЛИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Одним из подходов к осмыслению роли учета и корпоративной отчетности в развитии экономической жизни общества служит периодизация их истории. В частности это может позволить охарактеризовать и текущее состояние практики формирования отчетности компаний, так или иначе являющейся продуктом современности.

Говоря об отечественной литературе, освещающей вопросы развития бухгалтерского учета, в первую очередь следует отметить работы Я.В. Соколова (1938–2010), например, его книгу «Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней» [11], отдельная глава которой, посвящена вопросу периодизации его истории. Подход профессора Я.В. Соколова – это разделение истории учета на отрезки, в соответствии с идеями Т. Куна (Thomas Kuhn; 1922–1996), называемые парадигмами учета [11, с. 63–65; 7]. Отметим, что за пределами русскоязычного интеллектуального пространства широкую известность получила посвященная теме парадигм бухгалтерского учета работа Р. Матессича (Richard Mattessich) – «Парадигмы, исследовательские традиции и теории бухгалтерского учета» [16]. Вопросы обозначения парадигм бухгалтерского учета в XX и начале XXI в. нашли отражение в трудах многих авторов. Наиболее исчерпывающее освещение их содержания на русском языке можно найти в работах Е.И. Зуга [6].

Особенностью большинства известных периодизаций истории бухгалтерии можно назвать акцент исключительно на развитии собственно его *методов*, например, на вопросах о том, какой момент мы можем с уверенностью назвать временем возникновения двойной записи, какому периоду соответствует какая форма бухгалтерского учета, как исчислялась себестоимость продукции в каком из веков и т.п. Исходя из такой точки зрения, мы утрачиваем возможность попытаться взглянуть на развитие бухгалтерского учета как элемента эволюции культуры, неотъемлемую часть прогресса социума, часть той жизни, которой жили, живут сейчас, или, может быть, будут жить люди в то или иное время. Вместе с тем, на наш взгляд, чрезвычайно важно попытаться посмотреть на развитие учета и отчетности не в «телескоп», рассуждая о некоем мифически самостоятельном «бухгалтерском мире», а в «микроскоп», как на маленькую, но при этом очень важную часть эволюции нашего общества в целом.

И вот здесь основой для осмысления развития бухгалтерского учета и методов формирования отчетной информации могут послужить подходы к периодизации развития социальной жизни, элементом которой является учетная практика. Один из таких подходов – это взгляд нашего современника, социолога с мировым именем, с 1997 до 2003 г. проработавшего директором Лондонской школы экономики, Энтони Гидденса (Anthony Giddens). Он разделяет историю западной цивилизации на три периода – (1) досовременность, (2) современность, и (3) постсовременность. При этом, согласно Гидденсу, «современность» «означает способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе, начиная примерно с XVII в. и далее, и влияние которых в дальнейшем более или менее охватило весь мир» [4, с. 111].

Оценивая возможности использования подхода Гидденса в целях периодизации развития учета, на наш взгляд, следует исходить из того, что его (учета) социодинамическая роль определяется информационным содержанием формируемых бухгалтерской практикой отчетных данных. Бухгалтерский учет – это, прежде всего, информация. А информация дает знание, понимание окружающей нас действительности. Следуя за Гидденсом, который подчеркивает, что «все формы социальной жизни отчасти создаются знанием о них агентов» [4, с. 156], мы можем в качестве ключевого для нас фактора данной периодизации назвать характер (специфику) миропонимания и мировосприятия, свойственную рассматриваемому времени. Это позволяет нам названные три периода определить как периоды или эпохи (1) веры, (2) доверия и (3) дилетантизма.

Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу возможности периодизации развития практики бухгалтерского учета и корпоративной отчетности как деятельности по формированию информации о хозяйственных фактах и процессах в свете общей периодизации развития мировосприятия в западной культуре, а также допустить, что построение такой периодизации может стать инструментом к осмыслению данной практики в условиях современности.

КОНЕЦ ЭПОХИ ВЕРЫ И НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ НАМ БУХГАЛТЕРИИ

Не нарушая классификации Гидденса, обозначим временем конца эпохи веры – XVII в.¹ Выделяемые в данном случае характеристики досовременных культур, позволяющие охарактеризовать досовременность как эпоху веры, следующие:

– «Религиозные космологии как формы верований и ритуальной практики, обеспечивающей провиденциальную интерпретацию человеческой жизни и природы.

– Традиция как средство связи настоящего и будущего; ориентированное в прошлое в реверсивном времени.

– Риск лишения религиозной благодати или риск, исходящий от злых магических сил» [4, с. 236–237].

Что это означает? В отношении Средневековья и раннего Возрождения они отражают примерно следующую мировоззренческую позицию.

Источником всего является Господь Бог. В нем все. Полная предопределенность любых наших действий и абсолютная невозможность знания, понимания чего бы то ни было вне воли Господа. Наши оценки возможны постольку, поскольку они угодны Богу и в наших действиях и в наших ожиданиях нам следует довериться воли Всевышнего и всецело на нее уповать. Знать что-либо невозможно, возможно и следует только *верить*.

Замечательно передает это ощущение мира «Исповедь» св. Августина².

¹ Безусловно, границы могут быть здесь лишь чрезвычайно размытыми, и влияние эпохи веры на механизмы мировосприятия мы можем наблюдать и сегодня. Речь идет о постепенном изменении ключевого фактора в мировосприятии социума.

² Августин Блаженный Аврелий (лат. Aurelius Augustinus Hipponensis, Блаженный Августин; 13 ноября 354 г., Тагаст, Нумидия, Северная Африка — 28 августа 430 г., Гиппон, близ Карфагена, Северная Африка).

«Без Тебя, – писал Блаженный Августин, обращаясь к Богу, – не было бы ничего, что существует» [1, с. 6]. «Высочайший, Благостнейший, Могущественнейший, Всемогущий, Милосерднейший и Справедливейший; самый Далекий и самый Близкий, Прекраснейший и Сильнейший, Недвижимый и Непостижимый; Неизменный, Изменяющий все, вечно Юный и вечно Старый, Ты обновляешь все и старишь гордых, а они того не ведают; вечно в действии, вечно в покое, собираешь и не нуждаешься, несешь, наполняешь и покрываешь; творишь, питаешь и совершенствуешь; ищешь, хотя у тебя есть все. Ты любишь и не волнуешься; ревнуешь и не тревожишься; раскаиваешься и не грустишь; гневаешься и остаешься спокоен; меняешь Свои труды, и не меняешь совета; подбираешь то, что находишь, и никогда не теряешь; никогда не нуждаешься и радуешься прибыли; никогда не бываешь скуп и требуешь лихвы. Тебе дается с избытком, чтобы Ты был в долгу, но есть ли у кого что-нибудь, что не Твое?» [1, с. 7].

Предопределенность нашей жизни волей Божией видна нам, если мы живем в эпоху досовременности, с первых наших минут, и те действия, эмоции, желания, которые кажутся нам нашими, согласно Августину, на самом деле есть Бог [1, с. 8].

В рамках мировоззрения, характерного для эпохи веры, нет и не может быть иного знания, кроме знания Бога и веры в него. Человек, повторим, в этой концепции мировосприятия не может *знать*, но может *верить*, уповая на милость Господа своего. «Несчастен человек, – пишет Августин, – который, зная все, не знает Тебя; блажен, кто знает Тебя, даже если он не знает ничего другого. Ученого же, познавшего Тебя, сделает блаженнее не его наука: через Тебя одного он блажен, “если, познав Тебя, прославит Тебя, как Бога, и возблагодарит и не осуетится в умствованиях своих”. ... верному Твоему принадлежит весь мир со всем богатством своим, и, как будто ничего не имея, “он обладает всем”, прилепившись к тебе, которому служит все» [1, с. 60–61]. «Проповедовать мирское знание, – продолжает Августин, – даже хорошо себе известное, дело суетное; исповедовать Тебя – это благочестие» [1, с. 61]. По убеждению Августина, надежнее невежество в Боге, чем суетные мирские знания, не основывающиеся на вере. «Когда я слышу, – пишет он, – как кто-нибудь из моих братьев христиан, человек невежественный, судит вкривь и вкось о вопросах научных, я терпеливо взираю на его мнения: я вижу, что они ему не во вред, если он не допускает недостойных мыслей о Тебе, Господи, Творец всего, и только ничего не знает о положении и свойствах телесной природы» [1, с. 61].

И в поиске знания человеку, согласно Августину, лишь стоит сказать: «Я ищу, Отец, не утверждаю; Боже мой, помоги мне, руководи мной» [1, с. 185]. Но истина непостижима, и мы можем лишь верить: «Скорбит сильно сердце мое, Господи, в этой скудости жизни моей, когда стучатся в него слова Святого Твоего Писания. Широковещательная речь прикрывает обычно нищету человеческого ума; искание речистее открытия, просьба длительнее ее удовлетворения, стучащая рука утруждена больше получающей» [1, с. 195].

Что может дать человеку, живущему в эпоху веры, бухгалтерский учет? Для чего он может быть нужен? Видимо, лишь для того, чтоб показать ничтожные труды его усилий – его наличное имущество, а также помочь обе-

спечить его (имущества) сохранность и не забыть о его (человека) долгах перед другими. Характеристику развития методологии бухгалтерского учета в период Средневековья можно найти, например, в работах А.М. Галагана (1879–1938) и Я.В. Соколова [3, 11].

Путь прогресса вел западную цивилизацию к Возрождению. И вот в «Сумме теологии» Фомы Аквинского³ мы находим уже, хоть и весьма причудливое, но отчетливо видимое сочетание общей идеи предопределенности с мыслями о свободе воли и выбора человека и его способности к познанию окружающей его действительности.

«Должно говорить, – утверждал Фома Аквинский в “Трактате о творении”, – что всякое сущее, каким бы образом оно ни существовало, сотворено Богом. ... всякое сущее, кроме Бога, не есть сущее само по себе, но – сущее по причастности» [12, с. 4]. «Бог суть первая образующая причина всего» [12, с. 8].

Однако, в отличие от Августина, Фома Аквинский уже не считает правильным искать «действий Бога в каждом действователе» [12]. «Иные, – пишет Фома, – представляли себе деятельность Бога в каждом действователе так, что будто бы ни одна из сотворенных сил не обуславливает в вещах никаких следствий, но что только один Бог является конечной причиной, обуславливающей все; например, что это де не огонь причиняет жару, а действующий в огне Бог, и т.п. Но это невозможно [и вот почему]. Во-первых, потому, что в таком случае сотворенные вещи оказались бы вне причинно-следственного порядка, а это подразумевало бы недостаточность силы Самого Творца, поскольку именно сила причины обуславливает активную силу ее следствия. Во-вторых, потому, что наблюдаемые в вещах активные силы, не причиняя они хоть что-нибудь, были бы дарованы вещам совершенно зря» [12]. Эти «активные силы» Фома Аквинский видит, прежде всего, в человеке как обладателе «свободной воли» и «способности познавать».

В «Трактате о человеке» на вопрос «Обладает ли человек свободной волей» Фома отвечает: «Человек обладает свободной волей, в противном случае советы, наставления, распоряжения, запреты, награды и наказания были бы тщетны» [12, с. 143]. Важно, что свободу воли человека он обуславливает восприятием им внешнего мира и разумом, делающим человека способным к выбору. Более того, обладание человеком свободной волей Фома объясняет Божественным Замыслом и созданием его (человека) Творцом как разумного существа.

«Человек, – пишет он, – действует согласно принятому решению, поскольку благодаря силе восприятия он принимает решение о том, к чему надлежит стремиться и чего избегать. И так как это решение относительно того или иного частного действия проистекает не из природного инстинкта, а из некоторого акта сравнения в разуме, то, следовательно, он действует на основании свободного решения и сохраняет способность склоняться к различным вещам. В самом деле, разум, когда речь идет о вещах возмож-

³ Фомá Аквiнский (иначе Фома Аквинат, Томас Аквинат, лат. *Thomas Aquinas*, итал. *Tommaso d'Aquino*; родился примерно в 1225, замок Рокказекка, близ Аквино – умер 7 марта 1274, монастырь Фоссануова, около Рима).

ных, может выбирать из противоположностей Но частные действия возможны, и потому в подобных случаях суждение разума, не будучи изначально определенным к чему-то одному, может склоняться к противоположностям. И так как человек разумен, то необходимо, чтобы он обладал свободной волей» [12, с. 143–144].

В Прологе к «Трактату о конечной цели» Фома Аквинский пишет (и это более, чем за три века до костра, на котором сожгли Джордано Бруно): «человек, обладая свободной волей и способностью к самостоятельным действиям, также является началом собственных действий» [14, с. 3]. «Человек, – утверждал Фома Аквинский, – является хозяином собственных действий благодаря разуму и воле, по каковой причине свободную волю определяют как “способность и волю разума”. Поэтому “человеческими” действиями в собственном смысле слова являются те, которые проистекают из обдуманной воли» [14, с. 6].

Основой осмысления нами явлений внешнего мира посредством их восприятия Фома Аквинский видит наличие в нашем сознании представлений – абстрактных категорий. «В нынешнем состоянии жизни, – писал он, – в котором душа соединена с чувственным телом, совершенно невозможно, что бы наш ум мог актуально мыслить что-либо без помощи представлений» [13, с. 171], ведь «познавать существующее в индивидуальной материи не как существующее в этой вот материи, значит абстрагировать форму из индивидуальной материи, что приводит нас к представлениям» [13, с. 178].

Говоря о надежде как о «раздражительной страсти» человека, Фома Аквинский фактически объясняет нашу возможность вероятностно оценивать неопределенное будущее, основываясь на опытном знании прошлого и настоящего [14, с. 480].

Вместе с тем, называя неопределенность будущего объектом человеческого страха, Фома Аквинский не видел вокруг себя мира случайностей, т.е. мира неопределенности и риска. Если рассматривать обоснованную надежду как информацию о будущем, смягчающую ощущение от неопределенности (а сегодня бы мы добавили, базирующуюся на оценке рисков), то «бесстрашие последует надежде» [14, с. 521].

Однако все в руках Божиих. Даже ангелам, по утверждению Фомы Аквинского, а вопросам, связанным с существованием и деятельностью ангелов, посвящена значимая часть Суммы Теологии, не дано до конца познать будущего, даже основываясь на опыте.

«Будущее, – писал Фома Аквинский, – может быть познано двояко. Во-первых, оно может быть познано через его причину. Те будущие события, которые следуют из своих причин с необходимостью, известны достоверным знанием; так, например, мы знаем, что завтра взойдет солнце. Те события, которые следуют из своих причин [не всегда, но] в большинстве случаев, известны не с достоверностью, а предположительно; так, например, врач предполагает выздоровление пациента. Во-вторых, – согласно Фоме, – будущие события могут быть познаны как таковые. Этот способ познания присущ одному только Богу, причем Ему ведомо не только то, что происходит с необходимостью или в большинстве случаев, но также и то, что происходит вероятно и случайно, ибо Он видит все в Своей вечности,

которая, будучи простой, присутствует в каждом времени и охватывает все времена» [12, с. 139].

«Иные из древних философов, – заключает Фома Аквинский, – отрицали наличие управления миром, утверждая, что все на свете происходит случайно. Однако подобное мнение опровергается как неприемлемое двояким образом. Во-первых путем наблюдения за самими вещами, поскольку мы видим, что с природными вещами всегда или почти всегда случается наилучшее, чего бы никогда не было, если бы своего рода провидение не направляло природу к благу как к ее цели, а это, собственно, и есть управление. ... Во-вторых, это явствует из рассмотрения божественной благодати, которая ... является причиной приведения вещей к бытию. В самом деле, – пишет Фома, – ... приводящей вещи к бытию божественной благодати пристало и вести их к их цели, а это и означает управлять ими» [13, с. 361].

В ситуации господства взглядов, согласно которым не твой капитал и получаемая от его использования прибыль, но провидение Господне обусловливает твоё завтрашнее благополучие, нет места духу предпринимательства, сделавшему возможным современный капитализм, а значит, и учету, отражающему соответствующие характеристики хозяйственной деятельности. При этом оценка перспектив экономической деятельности на основе данных отчетности представляется и вовсе немыслимой. Тем революционнее следует считать содержание «Трактата о счетах и записях» Л. Пачоли, увидевшего свет в 1494 г.

В конце XV в. в труде Пачоли мы видим явное смешение базиса эпох Веры и Нового Времени в экономической деятельности – времени предпринимателя, осознание и принятие риска у которого базируется на надежде и доверии. «Трактат о счетах и записях» начинается с определения трех «условий, необходимых всякому, кто желает в исправности вести торговлю» [10, с. 23]. Формулировки этих условий звучат и сегодня весьма современно: «Самое главное из них, – писал Лука, – наличные деньги и разного рода другие ценности, без помощи которых трудно вести торговлю» [10, с. 23] – это капитал. «Второе условие торговли состоит в том, чтобы уметь верно вести книги и быстро считать» [10, с. 24]. «Третье и последнее необходимое условие – это ведение своих дел в должном порядке и как следует, чтобы можно было без задержки получить всякие сведения как относительно долгов, так и требований, ибо торговля не распространяется ни на что другое» [10, с. 24]. Иными словами – это требование надежной информации, необходимой для принятия управленческих решений.

Именно информация, содержащаяся в учетных регистрах, определяется Пачоли в конце XV в. как основание для работы в условиях неопределенности и риска, свойственных предпринимательской деятельности купца. Как должна создаваться такая информация и почему это важно? Ответ находим в главе 4 Трактата «Весьма полезные напоминания и наставления для хорошего купца»: «Каждую вещь следует вносить в Инвентарь в должном порядке с записью имени и фамилии собственника. Описание вещи должно быть подробно, насколько это возможно. Для купца, – пишет Пачоли, – ничто не может быть слишком ясным ввиду тех бесчисленных случаев,

которые встречаются в торговых делах, о чем знает всякий, кто посвятил себя торговле. ... Кто в состоянии перечислить все те перипетии, которым подвергается купец на воде и на суше, во время мира и изобилия, во время войны и голода, во время здоровья и мора! В такие времена и в таких случаях он должен решать свои дела на рынках и ярмарках то в одном месте, то в другом» [10, с. 31]. Неопределенность и риск – вот постоянные спутники деятельности купца.

Наряду с этим, заканчивая «напоминания и наставления», Л. Пачоли не забывает сказать нам следующее: «Прежде всего, имей постоянно в виду господ Бога и своего ближнего и не забудь утром слушать мессу, помня, что только благодаря этому можно оставаться на истинном пути. Раздачей милостыни не уменьшится твое богатство, как гласит святой стих: “Подаяние не уменьшает богатства, а месса не отнимает времени”. То же самое напоминает нам спаситель у Матфея: “Сперва ищите царствие Божие, а остальное вам воздастся, ибо ваш отец в небесах сам ведает, в чем нужда ваша”» [10, с. 33].

Одна из таких нужд – это цель работы купца, как сказали бы мы сегодня, – получение прибыли. Но иначе формулирует ее Л. Пачоли, осторожно глядя в будущее предпринимательства: «Прежде всего, мы должны иметь в виду, что всякий, занимающийся торговлей, имеет перед собой известную цель, для достижения которой он употребляет в действиях своих всевозможные усилия. Цель всякого купца состоит в том, чтобы приобрести дозволенную и постоянную выгоду для своего содержания. Поэтому купцы должны приступать к своим делам во имя Бога и при начале всякой записи иметь на уме его святое имя» [10, с. 25].

Приведенные выше строки «Трактата о счетах и записях» служат прекрасной иллюстрацией утверждения, что и «мысль эпохи Просвещения, и западная культура в целом, произошли из религиозного контекста, в котором особое значение придавалось теологии и стяжанию божественной благодати. Божественное провидение долгое время было ведущей идеей христианской мысли. Без предшествующей ему ориентации, заданной этими идеями, Просвещение едва ли было бы возможно в принципе. Неудивительно, что оправдание освобожденного разума всего лишь придало новую форму провиденциальным идеям, вместо того, чтобы вытеснить их. Один тип достоверности (божественный закон) сменился другим (достоверность наших чувств, эмпирического наблюдения), а божественное провидение было заменено предопределенным (providential) прогрессом⁴» [4, с. 168].

Так, все больше условно высвобождая разум из рамок догматов, шла эволюция нашей культуры. Наступало Новое Время – время, которому суждено было кардинально изменить мировосприятие человека, понимание им своего места в мире, своих возможностей. Приближалась современность – эпоха доверия, в частности доверия суждению профессионалов. Значимым элементом многоликого профессионального сообщества в этом обновленном социуме было суждено стать бухгалтерам.

⁴ Здесь, в частности, можно отослать читателя к работе, например, Р. Нисбета «Прогресс: история идеи» (М.: ИРИСЕН, 2007).

ЭПОХА ДОВЕРИЯ И ДОВЕРИЕ ОБЩЕСТВА К ОТЧЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Эпоха доверия – это время, которое заканчивается буквально у нас на глазах. Это эпоха доверия к суждению экспертных сообществ, специалистов, доверия к профессиональным институтам, определявшего развитие западной цивилизации от Возрождения до наших дней. Здесь также, не нарушая принятой нами за основу классификации Гидденса, обозначим временем эпохи доверия период с XVII по XX в. включительно⁵.

Задолго до выхода в свет обсуждаемой здесь работы Э. Гидденса Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) писал о доверии как, пожалуй, о самой важной черте современной ему цивилизации.

В современном мире, – утверждал Хайек, – «человеку удается в полной мере использовать свои возможности только тогда, когда он осознает свою ограниченность» [15, с. 27]. «Отдельный человек не в состоянии усвоить все то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе. И вся наша цивилизация, таким образом, неизбежно покоится на нашем доверии к вещам, истинность которых мы не в состоянии знать в картезианском смысле» [15, с. 31].

«В то же время, – указывал Хайек, – член цивилизованного общества отличается не столько большим объемом знаний, сколько огромными возможностями извлекать пользу из знаний других людей, что и определяет его способность преследовать бесконечно более широкий круг целей, чем необходимо для удовлетворения его самых настоятельных материальных потребностей» [15, с. 33].

Таким образом, «важнейшей характеристикой нашей цивилизации является то, что мы все получаем выгоду от знаний, которыми сами *не* располагаем» [15, с. 34].

Что же все эти утверждения могут означать для бухгалтерского учета и практики корпоративной отчетности?

В оценке любой экономической ситуации, в оценке рисков, в планировании важной характеристикой построения нами планов каких-либо действий, по Хайеку, является то, что «источником кажущейся ясности этих планов является игнорирование автором планов всего того, чего он не знает» [15, с. 34].

Чуть перефразируя великого экономиста, можно отметить, что источником кажущейся ясности бухгалтерской отчетности является игнорирование анализирующим ее пользователем всего того, чего отчетность не отражает. А не отражает она сегодня очень многие характеристики компании, что немаловажно, непосредственно определяемые теми объектами, которые являются предметом бухгалтерского учета.

Двумя важнейшими компонентами методов, используемых при формировании отчетности компаний, являются признание и оценка учетных объектов как элементов отчетности. Признание – это идентификация ка-

⁵ Следует обратить внимание на то, что, конечно, выставляемые границы эпох могут быть лишь чрезвычайно размытыми, и влияние как эпохи веры, так и эпохи доверия на механизмы мировосприятия мы можем наблюдать и сегодня. Речь идет лишь о постепенном изменении ключевого фактора в мировосприятии.

кого-либо объекта из реальной хозяйственной жизни в качестве элемента бухгалтерской отчетности – элемента активов фирмы, ее обязательств, составляющей собственного капитала компании, ее доходов, расходов и т.п. Реализуемые методы признания определяют то, что в принципе будет, а что не будет отражено в отчетности фирмы.

Второй компонент учетной методологии – оценка – это попытка наиболее адекватного современной экономической ситуации представления учетных объектов в денежном измерителе. Каждый из вариантов такого представления в той или иной степени соответствует определенным характеристикам учитываемого объекта.

И вот пользователю отчетности, доверяющему составителям учетных стандартов, воплощающим их в жизнь бухгалтерам и подтверждающим правильность такого воплощения аудиторам – как профессионалам в соответствующей области человеческой деятельности – остается только рассчитывать на то, что активы, которые он видит в балансе в той оценке, в которой они там представлены, – это наиболее адекватная действительности и полезная для него информация («игнорируя» при этом «все то, чего он не знает»).

Однако вернемся к работе Гидденса и посмотрим, с чем он связывает эпоху доверия, определявшуюся им в 1990 г. как современность.

В качестве важнейшего фактора «развития современных социальных институтов» Гидденс называет «образование экспертных систем» [4, с. 136]. Для последнего в частности характерно развитие социального феномена доверия как новой «формы веры, в которой уверенность, придаваемая возможным результатам действий, выражает некое обязательство, а не просто суждение о знании. [При этом] В действительности, – отмечает Гидденс, – ... модусы доверия, используемые институтами современности, по природе своей основаны на нечетком и частичном понимании их “базы знаний”» [4, с. 142].

Под экспертными системами Гидденс предлагает понимать «системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие значительные фрагменты материального и социального окружения, в которых мы сегодня живем. Большинство “обычных людей”, – отмечает он, – обращаются к консультациям “профессионалов” – адвокатов, архитекторов, врачей и т.д. – лишь периодически или от случая к случаю. Но системы, объединяющие в единое целое знания экспертов, оказывают на многие аспекты того, что мы делаем, *постоянное* влияние. Просто сидя у себя дома, я уже вовлечен в экспертную систему или последовательность таких систем, на которые полагаюсь. Я не испытываю особых страхов, поднимаясь вверх по лестнице моего жилища, хотя и знаю, что в принципе вся эта конструкция может обрушиться. Я мало что знаю о своде знаний, использованных архитектором и строителем при проектировании и постройке этого дома, но тем не менее я “верую” в то, что они сделали. Я “верую” не столько в них, хотя мне и приходится доверять их квалификации, сколько в подлинность применяемого ими экспертного знания, то есть во что-то, что я сам не могу полностью проверить» [4, с. 142–143].

«Повторим, – подчеркивает Гидденс, – для “обычного” человека доверие к экспертным системам не зависит ни от полного понимания всех этих про-

цессов, ни от владения связанными с ними знаниями. Доверие неизбежно оказывается в некоторых отношениях чем-то вроде религиозного догмата. Это утверждение не следует понимать чересчур упрощенно. ... В этих догматах имеется прагматический элемент, основанный на опытном знании о том, что эти системы в целом работают так, как они должны работать. К тому же над профессиональными ассоциациями часто стоят разрешающие органы, созданные для защиты потребителей экспертных систем – структуры, лицензирующие промышленные установки, осуществляющие надзор за стандартами, используемыми производителями самолетов и т.д.» [4, с. 144–145]. Однако все это, утверждает Гидденс, «не отменяет истинности наблюдения о том», что все эти механизмы «подразумевают отношения доверия» [4, с. 145].

Одной из таких экспертных систем выступает институт бухгалтерского учета и аудита.

Все то, что свойственно функционированию экспертных систем в социуме в целом, определяет и профессиональную деятельность в области экономики и соответственно бухгалтерского учета и механизмы использования результатов этой профессиональной деятельности. «“Обычный” индивид, – отмечает Гидденс, – не обязательно способен дать формальные определения таких терминов, как “капитал” или “инвестиция”, но каждый, кто пользуется, скажем, сберегательным счетом в банке, проявляет подразумеваемое и практическое понимание этих понятий. Подобные им концепты и теории, – подчеркивает автор, – а также связанная с ними эмпирическая информация не являются лишь удобными инструментами, с помощью которых агенты в состоянии несколько более четко осознать свое поведение, нежели без них. Данные понятия активно формируют то, чем является такое поведение, и оказывают поддержку мотивам, на основании которых оно предпринимается. Невозможно четко отделить литературу, доступную экономистам, от той литературы, которая читается или проникает иным образом к заинтересованным группам в популяции: руководителям компаний, государственным служащим и частным лицам. Экономическая конъюнктура [таким образом] подвергается постоянным изменениям в свете этих новых данных, тем самым создавая ситуацию непрерывного взаимодействия между экономическим дискурсом и деятельностью, к которой он отсылает» [4, с. 159].

В области бухгалтерского учета процессы непрерывного взаимодействия профессионального бухгалтерского сообщества и потребителей учетных данных профессор Я.В. Соколов (1938–2010) охарактеризовал категорией парадоксов бухгалтерского учета [11, с. 109–114].

Действительно ситуации восприятия учетных данных пользователями, которые можно выразить яркими формулами Соколова: «Прибыль есть – денег нет», «Активов много, а долги платить нечем», «Резервы растут, а предприятие близко к банкротству», «Амортизацию начисляем, а основное средство стоит только дороже» и т.п. – это ни что иное, как столкновение специфики профессионального языка, на котором изъясняется сообщество бухгалтеров и аудиторов, и восприятия сообщений, написанных на этом языке теми, кто функционирует в ином языковом пространстве, в той или иной степени отдаленном от сферы бухгалтерского учета.

Важно обратить внимание на то, что, по мнению Гидденса, масштабы влияния феномена доверия к экспертным системам в условиях общества современности даже более масштабны, чем обусловленность социальной жизни следованием религиозным догматам в эпоху веры. «Природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам» [4, с. 212]. Это означает, что «в ситуации, когда множество аспектов современности стали глобализированными, никто не может полностью отказаться от контактов с абстрактными системами, включенными в современные институты» [4, с. 213]. И если «в досовременных условиях индивиды, как в принципе, так и на практике, могут игнорировать то, что говорят священнослужители, мудрецы, колдуны, и преуспевать при этом в рутинных практиках повседневной деятельности», то «в современном мире [мире доверия] в отношении экспертного знания дело обстоит иначе» [4, с. 213].

Однако, в отличие от веры, «доверие к экспертным системам, проявляемое простыми людьми, не является, как это было характерно для досовременного мира, проявлением чувства безопасности по отношению к независимо данному миру событий» [4, с. 213]. Однако отсутствие ощущения безопасности легко может трансформировать доверие к системе в неверие ей. И вот здесь на помощь профессионалам приходят определенная закрытость по отношению к «не входящим в их круг» и выборочное информирование потребителей их услуг об их истинном содержании и рисках, связанных с соответствующей областью профессиональной деятельности.

Пользование экспертными системами предполагает понимание связанных с этим рисков и принятие их существования. Именно принципиально это и отличает веру во что-то от доверия чему-то. Вера не допускает ошибки Создателя. Доверие обязано рассматривать ошибку профессионала как нормальный (хотя и совершенно нежелательный) случай.

Однако это «понимание всеми участниками» указанных обстоятельств, конечно, представляет собой некую идеальную картину использования дилетантом экспертных систем в духе Фон Хайека. На деле рискнем утверждать, в головах большинства «неспециалистов» вера, доверие, а заодно и недоверие к профессионалам сильно перемешаны. Что остается вне всякого сомнения, так это утверждения Гидденса о том, что если доверие все же имеет место, то оно «принимает форму безличных обязательств, в которых вера поддерживается благодаря функционированию знания, в котором простой человек, как правило, не разбирается. Однако доверие рискует трансформироваться в недоверие и отрицание хоть какой-то надежности любой экспертной системы, если перед дилетантом чуть приоткрыть завесу “профессиональных тайн”, делающую соответствующую область знаний непостижимой и загадочной для неспециалиста. Так, как метко подмечает Гидденс, “пациенты, вероятно, не доверяли бы медицинским работникам так безоговорочно, если бы имели полную осведомленность об ошибках, которые были сделаны в больничных палатах и на операционном столе. ... Не существует навыка, столь тщательно отточенного и нет формы экспертного знания столь всесторонней, чтобы элементы риска или удачи не влияли на них. Эксперты обычно предполагают, что обычные люди будут чувствовать себя более уверенно, если у них не будет возможности следить

за тем, как часто эти элементы влияют на осуществление экспертизы”» [4, с. 216], т.е. профессиональную деятельность.

Аналогично, мы можем сказать, что рассчитывающие по данным баланса показатель, допустим, рентабельности активов, вряд ли были бы настолько уверены в его значении, если бы обращали внимание на то, что большую часть активов, оценка которых составляет знаменатель коэффициента рентабельности – это капитализированные расходы, от которых мы ждем прибыли лишь в будущих отчетных периодах.

Их уверенность могла быть еще больше поколеблена тем, что величина прибыли – это сумма, получаемая вычитанием расходов, прошлых периодов из выручки, полученной в отчетном периоде, постоянно теряющая свою ценность в силу фактора временной ценности денег, и ими (деньгами) часто вовсе не подкрепленная.

Или, допустим, пользователь отчетности, получающий значение коэффициента текущей ликвидности, равное двум, вряд ли говорил о том, что на каждый рубль краткосрочных долгов фирмы приходится два рубля ее оборотных активов. Ведь в действительности, оборотные активы компании – это во многом ее расходы, за которыми на момент составления баланса вообще не скрывается никакого имущества, а также устойчивые обязательства дебиторов, стабильно находящиеся у них в распоряжении и представляющие собой отвлеченные средства фирмы. Что касается денег, то к моменту погашения конкретных краткосрочных обязательств они уже могут быть вложены, допустим, в основные средства, ведь сроки их оборачиваемости как правило совсем не совпадают с периодом оборачиваемости долгов компании.

Вот и получаются, таким образом, ситуации, когда прибыль есть, а денег нет, или активов много, а долги платить нечем. В каждом конкретном случае – это следствие восприятия данных, предоставляемых экспертной системой бухгалтеров, основывающегося на доверии к ней и веры в возможность понять бухгалтерскую отчетность, не будучи специалистом.

Сегодня так замечательно описанное Э. Гидденсом положение вещей, связанное с нашей жизнью в окружении экспертных систем, становится все менее удовлетворительным для тех, кто, не относясь к профессионалам в определенной области, выступает в качестве потребителя результатов деятельности профессиональных сообществ. Все чаще мы слышим фразы о том, что бухгалтеры забывают, что работают они не для бухгалтеров, что аудиторы должны подтверждать не соответствие отчетности фирм неким никому не понятным учетным стандартам, а что-то другое, что данные финансовой отчетности непонятны пользователю, а следовательно, бесполезны для принятия решений. Что же происходит, с чем это связано?

НАСТУПЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ДИЛЕТАНТИЗМА И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В наши дни наступает абсолютно новое (принципиально новое) время. Вроде бы, если посмотреть вокруг (не на экран монитора, а на вид за окном), мир сегодняшнего дня несильно отличается от того, что мы могли видеть в конце прошлого века. Те же люди, пусть чуть иначе одетые, те же дома (может лишь недавно построенные выглядят немного более современно),

те же деревья, почти те же машины и т.д. К нашим подъездам не подлетает воздушных такси, а на дачу мы по-прежнему выезжаем на заставленном рассадой авто или пригородной электричке, а не на космическом корабле. Мечты фантастов XX в., в которых мы сегодняшние уже проводим отпуск на Венере, пока не спешат сбываться.

Вся мощь эволюционных сил человечества сосредоточилась на ином. За последние годы принципиально изменилась окружающая нас информационная реальность. Неузнаваемо трансформировались механизмы коммуникации между нами. Развитие технологий полностью поменяло практику формирования, распространения и потребления данных. Связанные с этим социодинамические процессы по скорости превосходят все, что когда-либо было известно человечеству. Мы живем в информационном пространстве, формируемом интернетом, мы уже почти не можем отключиться от наших смартфонов, мы во многом узнаем мир людей, социализируемся, коммуницируем посредством социальных сетей. В университетских аудиториях сегодня сидят студенты, которые плохо представляют мир без Facebook и «ВКонтакте». При этом даже предпочтение определенной социальной сети сегодня уже формирует некий социальный образ конкретного индивида. А это значит, что сегодняшние школьники, которые завтра станут студентами, а послезавтра будут создавать экономическую жизнь общества, просто не представляют себе мира без социальных сетей.

Но это все общие характеристики очевидного положения дел. Что же в этой связи происходит и/или должно (может) происходить с практикой корпоративной отчетности как части современного нам информационного пространства экономики.

Здесь следует вспомнить замечательную работу М. Маклюэна (Marshall McLuhan) (1911–1980) и К. Фиоре (Quentin Fiore) (род. 1920) «Война и мир в глобальной деревне», в которой авторы подчеркивали особый характер эволюции человека. Эволюции посредством технологий, которые являясь нашим ответом на вызовы окружающей среды, сами, становясь ее неотъемлемой частью, меняют производящего их человека. Пример этого эволюционно-технологического цикла мы можем наблюдать и сегодня, когда новые информационно-коммуникативные технологии в небывало малые (по историческим меркам) сроки начинают трансформировать наше мировосприятие [8].

Что же изменили в восприятии данных вошедшие в нашу жизнь в начале XXI в. технические новации?

Произошло то, что следует рассматривать как часть общих глобальных изменений в восприятии современным человеком доступной ему информации – изменений, фактически означающих наступление Нового Времени – Времени Дилетантизма⁶.

⁶ Дилетантизм здесь используется как производное от общеупотребительного значения слова «дилетант», например, «тот, кто занимается наукой или искусством без специальной подготовки, обладая только поверхностными знаниями» // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984, с. 147. В нашем случае точнее будет определить дилетанта как того, кто строит свои суждения в области определенной науки или искусства без специальной подготовки, обладая только поверхностными знаниями, не опираясь при этом на суждения специалистов в соответствующей области и/или рассматривая их (суждения профессионалов) как обладающие одинаковым весом (значимостью) по сравнению с собственными.

Все изменил интернет. Интернет сделал наш мир таким, каким он не был никогда. В сверхкороткие для исторических измерений сроки интернет-технологии открыли для пользователей всемирной паутины доступ к совершенно фантастическому объему данных. Эти данные с космической скоростью продолжают структурироваться и трансформироваться в максимально простой для понимания всеми и каждым формат.

Глобальные системы поиска данных превратили каждого из нас во всемогущего библиотекаря из сказки, способного за доли секунды получить доступ к любой «карточке» этого глобального хранилища данных.

Это, конечно, не сделало из нас профессионалов в тех областях знания, информация из которых стала нам столь небывало доступна. Однако это очень быстро сформировало у нас иллюзию того, что стоит найти определенные данные, познакомиться с ними и мы без труда поймем тот вопрос, который эти данные освещают. Иными словами, *доступность* очень быстро сформировала иллюзию *понятности*, а затем и нашей *компетентности* в вопросах, в которых мы не являемся профессионалами.

На смену эпохи доверия к суждению профессионалов как основе поведения людей при принятии решений, требующих определенных компетенций, стало стремительно наступать Время Дилетантизма.

Повторим: подаренная нам интернет-технологиями небывалая доступность данных стала создавать психологическую иллюзию возможности формирования суждения в областях, ранее считавшихся сферами исключительно профессиональной деятельности. Эта иллюзия стала все прочнее укореняться у тех лиц, которые не являются профессионалами в той или иной области, не имеют специального образования в ней, но принимают решения, касающиеся этих сфер жизни, или/и пользуются продуктами деятельности лиц, профессионально занятых в соответствующих сферах.

Приведенные выше утверждения можно легко проиллюстрировать примером, наверное, уже хорошо знакомым всем нам. Кто из нас, собираясь в последние годы на прием к врачу, не «погуглил» предварительно свой диагноз? Кто не перепроверил сделанные нам назначения, справившись о них, например, в «Википедии»? А теперь давайте задумаемся, было ли такое возможно, еще даже 20 лет назад? Конечно, нет! Нет, потому, что 20 лет назад мы не жили в иллюзии понятности доступных нам данных. Тогда даже для того, чтобы найти данные, которые сегодня нам по запросу предоставляет google или иной «поисковик», нужно было быть профессионалом в соответствующей области.

И если в области медицинских знаний мы все еще (полностью оправдано!!) чаще, к счастью, «побаиваемся» больше доверять собственному мнению дилетанта, чем суждению профессионала, и только глубокомысленно ворчим о «некомпетентности», то в области экономики обсуждаемые нами иллюзии гораздо сильнее и имеют далеко не «вчерашнюю» историю.

Вспомним, например, замечательное высказывание Ф. Найта (Frank N. Knight), «на практике есть огромная разница между распространением среди населения правильных идей в сфере человеческих отношений и в области механики. ... Когда речь идет о результатах, связанных с неживой материей, малосущественно, верят ли вообще люди в глубине души в то,

что энергию можно производить из ничего, или в то, что пушечное ядро, погрузившись в воды океана, застрянет на полпути ко дну и останется там в подвешенном состоянии, или в еще какую-нибудь фундаментальную нелепость. Здесь, по крайней мере, существует исторически сложившаяся традиция, признающая значимость знаний и профессионального обучения, так, что можно убедить невежду прислушаться к суждениям знающих людей. В случае естественных наук широкие массы охотно берут, используют и сами конструируют разные приспособления, научные основы функционирования которых им неведомы и безразличны. Обычно можно устроить скромную демонстрацию возможностей таких приспособлений и буквально поразить воображение людей “результатами”. Но в области социальных наук, к счастью или к несчастью, такие приемы не подходят. Вся сложившаяся традиция склоняет нас к той точке зрения, что “Том, Дик и Гарри” обладают в этой сфере такими же познаниями, как и любой “высоколобый”; тут уж невежда не станет прислушиваться к мнению знатока, а при отсутствии добровольного *желания* выслушать нет возможности устроить объективную демонстрацию» [9, с. 24].

Современность подарила «невежде» интернет, и этот факт начал стремительно получать самые широкомасштабные последствия.

Любопытный сюжет на эту тему представил собой Всемирный бухгалтерский конгресс 2014 г. в Риме. Его участниками стало много непрофессионалов в области бухгалтерского учета. Журналисты, блогеры, пишущие на экономические темы, самые разные представители пользователей учетной информации, не являющихся профессионалами в области бухгалтерского учета.

Один из центральных посылов всех их выступлений заключался в следующем: нам непонятно содержание вашей отчетности. Сделайте ее такой, чтобы каждый заинтересованный пользователь, не будучи бухгалтером, мог в ней разобраться. Сделайте так, чтобы «читая» данные отчетности, мы могли бы узнать не о том, какие способы амортизации применяет компания, потому, что мы доподленно не знаем, что это такое, не какая часть условно – постоянных расходов капитализируется в активе, потому, что нам непонятно, как это, не то, что отчетность составлена в соответствии с допущением непрерывности деятельности, так как мы не знаем фирм, которые бы действовали непрерывно, а о том, хорошо у фирмы дела или плохо, стоит покупать ее акции или нет, сколько фирма сегодня может потратить на своих акционеров, и насколько «надута» цена ее акций на бирже. Ваша отчетность не рассказывает нам об этом! [17].

Финансисты дурят нам головы – вот смысл этих высказываний. И вот отчетность, содержащая нефинансовую информацию, спешит заполнить этот вакуум доверия, сформированный интернет-реальностью. Она замечательно рассказывает нам о том, что фирма за отчетный период стала *более* социально ответственной, *лучше* стала заботиться об экологии, *нарастила* свой человеческий капитал, *создает* капитал интеллектуальный, а потребители ее продукта очевидно стали *счастливее*. При этом слабая, мягко говоря, верифицируемость таких данных, отсутствие четких стандартов их формирования, подчеркнутая ориентированность их содержания на непрофессионала – отнюдь не останавливают пользователей такой отчетности.

Дилетантизм стремительно меняет и профессиональную среду. Это звучит парадоксально, но это так! Это можно хорошо увидеть, обратив внимание на то, как сегодняшние студенты все чаще самостоятельно подбирают литературу по изучаемой тематике. Так, например, студент готовит доклад по определенному вопросу и помимо рекомендованной преподавателем литературы сам находит какие-то источники. Проходит презентация, и преподаватель спрашивает, откуда докладчиком заимствовано определенное суждение. Очень часто на этот вопрос можно услышать ответ: «Из статьи на данную тему». «Какой статьи?» – спрашивают студента. «Статья в интернете – я плохо помню источник, но могу посмотреть», – часто звучит ответ. «А кто автор этой статьи?» И вот тут очень часто следует ответ – не знаю, я не посмотрел/посмотрела. И это совершенно потрясающе! Ведь авторство статьи – это, прежде всего, свидетельство профессионального суждения, позиции профессионала по тому или иному вопросу. Оно индивидуально, и когда мы цитируем ту или иную статью (книгу), мы выражаем свое (профессиональное) согласие с позицией автора, мы ее разделяем, мы доверяем суждению данного конкретного профессионала, мы предпочитаем его точку зрения, его позицию точке зрения остальных. Прекрасно по этому поводу высказался Жозеф де Местр (1753–1821), утверждая, что «голоса надобно взвешивать, а не считать» [5, с. 17]. В нашей же ситуации найденный в интернете текст обезличивается. Становится неважно, кто его написал, важно, что google по запросу выдал на него ссылку. А судить о содержании текста, находящегося по этой ссылке, предоставляется возможность исключительно читателю – нашему глобальному дилетанту.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги сказанного, следует отметить, что рассмотренные положения, по нашему мнению, подтверждают гипотезу о возможности периодизации развития практики учета и корпоративной отчетности в контексте общей эволюции мировосприятия, характерной для западной культуры. И здесь представляется возможным, основываясь на периодизации Э. Гидденса, выделить бухгалтерский учет и отчетность, относящиеся к времени веры, доверия и дилетантизма. Определение времени дилетантизма как характеристики современных условий практики корпоративной отчетности способно подчеркнуть то влияние на работу с отчетностью пользователей ее данных, которое является следствием воздействия, оказываемого сегодня на человека развитием информационно-коммуникативных технологий.

Представляется возможным утверждать, что дилетантизм как характерная для современности черта мировосприятия становится значимым фактором развития практики современной нефинансовой корпоративной отчетности. Отчетность компаний стремительно становится частью медиапространства, в котором важнейшей из задач создателей информационных сообщений видится задача «не отпугнуть дилетанта» [2, с. 13].

Мы можем определить дилетантизм как формирующийся благодаря современным информационным технологиям принципиально новый подход к оценке неспециалистом получаемой им информации, относящейся к

определенной области специальных знаний, основывающийся на иллюзии понятности доступных данных.

И вот в этих, очень специфических, не существовавших никогда в истории человечества условиях и находится сегодняшняя практика корпоративной отчетности, бухгалтеры с их профессиональными институтами и потребители предоставляемых отчетных данных. Каковы последствия этой ситуации и предоставляемые ей возможности – сегодня сказать сложно. Однако изучение этого нового явления в контексте формирования экономической информации и в частности корпоративной отчетности и методов работы с ней – является, на наш взгляд, значимой задачей современной экономической науки.

Литература

1. *Блаженный Августин*. Исповедь / пер. М.Е. Сергеенко. СПб.: Наука, 2013. 372 с.
2. *Болц Н.* Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 134 с.
3. *Галаган А.М.* Счетоводство в его историческом развитии. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 197 с.
4. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 343 с.
5. *Жозеф де Местр*. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб.: Владимир Даль, 2007. 299 с.
6. *Зуга Е.И.* Парадигмы бухгалтерского учета и развитие его теории: авт. дис. ... канд. наук. СПб., 2012. 22 с.
7. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
8. *Маклюэн М., Фиоре К.* Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ, Астрель, 2012. 213 с.
9. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Изд-во «ДЕЛО», 2003. 352 с.
10. *Пачоли Лука*. Трактат о счетах и записях / под ред. Я.В. Соколова. М.: Финансы и статистика, 2001. 368 с.
11. *Соколов Я.В.* Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней. М.: ЮНИТИ, 1996. 638 с.
12. *Фома Аквинский*. Сумма Теологии. Часть I. Вопросы 44–74. Киев: Эльга Ника-Центр, 2003. 334 с.
13. *Фома Аквинский*. Сумма Теологии. Часть I. Вопросы 75–119. Киев: Эльга Ника-Центр, 2005. 574 с.
14. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 1–48. Киев: Эльга Ника-Центр, 2006. 569 с.
15. *Фридрих Август фон Хайек*. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
16. *Mattessich R.* Paradigms, research traditions and theory nets of accounting // Philosophical perspectives on accounting. N.Y., 1993. P. 177–220.
17. World Congress of Accountants 2014. Rome, Auditorium Parco della Musica, November, 10–13 2014. 234 p.

Bibliography

1. *Blazhennyj Avgustin*. Ispoved' / per. M.E. Sergeenko. SPb.: Nauka, 2013. 372 p.
2. *Bol'c N.* Azbuka media. M.: Evropa, 2011. 134 p.
3. *Galagan A.M.* Schetovodstvo v ego istoricheskom razvitii. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927. 197 p.
4. *Giddens Je.* Posledstvija sovremennosti. M.: Praksis, 2011. 343 p.
5. *Zhozef de Mestr*. Chetyre neizdannye glavy o Rossii. Pis'ma russkomu dvorjaninu ob ispanskoj inkvizicii. SPb.: Vladimir Dal', 2007. 299 p.

6. *Zuga E.I.* Paradigmy buhgalterskogo ucheta i razvitie ego teorii: avt. dis. ... kand. nauk. SPb., 2012. 22 p.
7. *Kun T.* Struktura nauchnyh revoljucij. M.: AST, 2003. 605 p.
8. *Makljuven M., Fiore K.* Vojna i mir v global'noj derevne. M.: AST, Astrel', 2012. 213 p.
9. *Najt F.H.* Risk, neopredelennost' i pribyl'. M.: Izd-vo «DELO», 2003. 352 p.
10. *Pacholi Luka.* Traktat o schetah i zapisjah / pod red. Ja.V. Sokolova. M.: Finansy i statistika, 2001. 368 p.
11. *Sokolov Ja.V.* Buhgalterskij uchet: ot istokov do nashih dnei. M.: JuNITI, 1996. 638 p.
12. *Foma Akvinskij.* Summa Teologii. Chast' I. Voprosy 44–74. Kiev: Jel'ga Nika-Centr, 2003. 334 p.
13. *Foma Akvinskij.* Summa Teologii. Chast' I. Voprosy 75–119. Kiev: Jel'ga Nika-Centr, 2005. 574 p.
14. *Foma Akvinskij.* Summa teologii. Chast' II–I. Voprosy 1–48. Kiev: Jel'ga Nika-Centr, 2006. 569 p.
15. *Fridrih Avgust fon Hajek.* Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. M.: IRISJeN, 2006. 644 p.
16. *Mattessich R.* Paradigms, research traditions and theory nets of accounting // Philosophical perspectives on accounting. N.Y., 1993. P. 177–220.
17. World Congress of Accountants 2014. Rome, Auditorium Parco della Musica, November, 10–13 2014. 234 p.